
АЛЯ ПОЛЯКОВА
РАЗВОД в 40.
УДОБНАЯ ЖЕНА

Аля Полякова

Развод в 40. Удобная жена

«Автор»
2026

Полякова А.

Развод в 40. Удобная жена / А. Полякова — «Автор», 2026

— Я так понимаю ты в курсе ситуации, — говорит муж. Мне даже смотреть на него больно. — У тебя есть другая? Это правда? — только и получается сказать, выходит сипло и как-то жалко.Андрей морщится. — Да.— Ты ее любишь?— Не надо сейчас об этом— Мне надо знать.— Мне с ней хорошо. — А со мной?— С тобой удобно. Ты удобная жена. Привычка. И страсти больше нет и бросить жалко, столько лет уже вместе. — Я не понимаю, Андрей. Правда не понимаю. Мы не ссорились. Ты приходил домой, обнимал меня. Мы строили планыВнутри тела такая пустота звенящая, что аж болит все. — Какие планы, Вик? Ипотеку закрыть? Стиральную машину поменять? Это разве планы? Это бы-то-ву-ха. — И что же ты хочешь? — Я хочу, чтоб меня с ног до головы облизывали и встречали в шелковом халате на голое тело. Чтоб каждый секс, как фейерверк был, а не обязательная повинность под одеялом. Чтоб женщина меня удивляла, чтобы с ней было интересно поговорить, а не обсуждать одни успехи детей, да траты по кредиту.

© Полякова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Аля Полякова
Развод в 40. Удобная жена

Глава 1

Вика

Муж звонит, когда я стою на кассе и пытаюсь найти в сумке карту магазина. На ленте уже разложены продукты, за спиной кто-то недовольно вздыхает, а карта, которую я всегда кладу в один и тот же кармашек, как сквозь землю провалилась.

— Вик, ты где? — спрашивает Андрей.

— В магазине. Сейчас, подожди… Девушка, пробивайте без скидки, не могу найти.

— Опять всю сумку перевернула? — смеется Андрей. — Я же говорил, купи себе нормальный кошелек.

Улыбаюсь, прижимая телефон плечом к уху. Правда ведь говорил, даже ссылку прислал на кошелек, только я посмотрела на цену и решила, что пока обойдусь и без этого кожаного аксессуара. Зато Мише кроссовки хорошие купили, у него нога растет так, будто он специально старается оставить нас без денег.

— Ты что-то хотел?

— Белую рубашку мне приготовь на завтра и брюки погладь, так чтобы стрелки с двух сторон были, только ты так и умеешь, Вик, — я улыбаюсь слушая его, но когда муж продолжает, улыбка сразу меркнет. — Ужинать без меня садитесь, задержусь.

— На долго?

— Пока не знаю. По работе надо встретиться с клиентами, они предложили какой-то новомодный ресторан.

— Хорошо. Я тогда твою порцию сразу в контейнер положу, возьмешь завтра на обед.

— Не надо, Вик. Не хочу твоей стряпней на весь офис вонять.

Я хмурюсь. Раньше у него проблем с этим не возникало, но не успеваю я ответить, как Андрей говорит:

— Все, давай, пока.

Он отключается, а я прикладываю банковскую карту к терминалу, мысленно сетуя на цены. Заплатила три тысячи рублей, а толком ничего существенного и не взяла.

На улице резко похолодало. Ноябрь решил, что мы достаточно побаловались солнцем и решил начать с тумана и заморозков.

Поднимаю ворот тонкой куртки, перекладываю пакеты поудобнее и смотрю на часы: до конца Мишиных занятий еще двадцать минут. Можно успеть занести продукты домой. Заодно успею замариновать только, что купленную тушку цыпленка. Андрей любит, когда я запекаю ее с картошкой, только в последнее время редко получается поужинать вместе. У него в фирме сложный период, в стране кризис, он устает, приходит поздно. Я стараюсь хотя бы дома не дергать по пустякам.

Иногда скучаю по нему, хотя мы живем в одной квартире. Думаю, это у всех так после двадцати лет брака. Не будешь же каждый вечер сидеть в обнимку, когда у одного работа, у другой дети, уроки и вечный вопрос, что приготовить на ужин.

Дома разбираю пакеты, убираю мясо в холодильник и нахожу на экране ноутбука открытую страницу курса. Вчера так и не закрыла. Обновление программы, работа с чертежами, несколько занятий по визуализации. Все то, что мне нужно, если все-таки решусь возвращаться к дизайну.

До рождения Миши я работала в студии. Мне нравилось. Даже трудные заказчики нравились, когда наконец удавалось понять, чего они хотят. Потом родился сын, Андрей предложил не спешить с выходом на работу, его бизнес, как раз пошел в гору, и я согласилась. Хотелось побыть с ребенком, не разрываться, как после Алины, когда пришлось ее отдать в ясли уже в полтора года.

Думала, год-два ничего не изменят. Прошло девять лет. Девять лет я уже даже не сижу в декрете, а безработная. Стыдно вдруг становится. Я, конечно, не бездельничаю и не сижу целый день в телефоне, у меня полно дел по дому, так что я к вечеру валюсь с ног. Я чувствую себя нереализованной.

Смотрю на стоимость курса и решаю хотя бы написать об этом Андрею. Спрашиваю, можем ли в этом месяце оплатить первую часть. Не всю сумму сразу, добавляю ссылку, чтобы видел, что это нормальное обучение, а не очередная реклама.

«Вик, давай позже. Ты же знаешь ситуацию в офисе. Сейчас лишних денег нет».

Пишу: «Можно с накопительного? Я потом верну с первых заказов».

Он долго не отвечает. Я успеваю дойти до школы, выслушать Мишин рассказ о потерянной сменке и обнаружить ее в в дальнем углу раздевалке. Только возле дома телефон снова вибрирует.

«На накопительном пусто».

Останавливаюсь так резко, что сын идет пару шагов без меня, а потом удивленно оборачивается:

— Мам, ты чего?

— Я…Я споткнулась, — вру, упираясь взглядом в экран.

На нашем общем счету было почти восемьсот тысяч. Мы собирались внести их за ипотеку, чтобы сократить срок. Не понимаю, как такая сумма может просто закончиться.

«Что значит пусто?»

Муж присылает скриншот. Тысяча двести шестьдесят рублей. Несколько секунд смотрю на цифры, пытаясь убедить себя, что он открыл не тот счет. Набираю его номер прямо посреди улицы, не в силах дотерпеть до дома.

Сердце грохочет где-то в горле, а ладони стали влажными. У меня сейчас случится паническая атака.

— Андрей, куда наши деньги делись?

— Вик, я занят.

— А я хочу получить ответы. Там было…

— Я помню, сколько там было. Временно понадобились. Дома объясню.

— Что-то случилось в фирме? Ты влез в долги?

— Не накручивай. Все нормально.

Он отключается, а я остаюсь стоять возле подъезда. Нормально это когда почти восемьсот тысяч лежат там, где мы их оставили. Все остальное почему-то совсем на нормальное не похоже.

Пока поднимаюсь, успеваю придумать несколько объяснений. Не оплатили большой заказ. Пришлось срочно рассчитаться с поставщиком. Сломалась машина. Фирма у нас небольшая, деньги постоянно нужны, Андрей не раз об этом говорил. Но обычно хотя бы предупреждал. Или мне казалось, что предупреждал, потому что я сама спрашивала?

Фирму основал папа. После его смерти я унаследовала долю, а Андрей, который к тому времени уже руководил продажами, взял управление на себя. Мне тогда было не до работы. Папа ушел внезапно, раз и нету человека, Миша болел ангиной где-то подцепил, хотя совсем кроха был, Алина только пошла в первый класс. Все навалилось.

Я благодарила мужа за то, что он избавил меня хотя бы от одной заботы.

Подписывала доверенности и другие бумаги, которые он приносил. Иногда пыталась вникать, но Андрей торопился: «Вик, обычные рабочие вопросы, не забивай голову». Я и не забивала. Думала, мы семья. Он занимается фирмой, а я домом, детьми. Каждый делает то, что сейчас нужнее.

На кухне Миша открывает холодильник, и я спохватываюсь, что ребенок голодный.

— Сейчас разогрею суп.

— А можно макароны?

— Их пока нет.

— Тогда суп.

Он садится за стол, начинает рассказывать про одноклассника, который принес на урок колонку и случайно включил музыку. Слушаю вполуха, потом заставляю себя отложить телефон, который постоянно держу в руке. Андрей вечером объяснит. Не нужно заранее пугаться, тем более при ребенке.

Алина приходит через час. В новой куртке, которую они с отцом купили в субботу. Я тогда еще удивилась: ехали только за обувью, а вернулись с двумя пакетами. Андрей отмахнулся, сказал, что девочке тоже хочется красивых вещей.

— Мам, ты серые джинсы постирала?

— На сушилке поищи.

— Можешь погладить?

— Алин, ты вроде в курсе, где у нас утюг стоит, — приподнимаю бровь.

Дочь закатывает глаза и схватив со стола мандарин уходит к себе, громко хлопнув дверью. Я перегнула? В ее возрасте я уже не только гладить умела, но и пироги печь и ужин на всю семью приготовить. Алинка привыкла, что я постоянно дома, поэтому сложнее яиц ничего делать не умеет.

После сажусь с Мишей за математику. Он торопится, пропускает строчку в условии, потом сердится, что ответ неправильный. Объясняю заново, а сама все время прислушиваюсь к телефону. Ни звонка, ни сообщения. Мне стыдно за свою тревогу. Вроде взрослая женщина, не первый год замужем, а веду себя так, будто Андрей обязательно должен сделать что-то плохое.

Он мог просто не успеть сказать, куда потребовались деньги, но ведь сказал когда я о них спросила. Значит у нас нет секретов и нет проблем. Все хорошо...

Когда сын берется за русский, иду в ванную за его спортивной формой. Возле Алиной двери слышу смех и шум музыки. Уже хочу пройти мимо, но дочь произносит:

— Нет, она еще не знает. Папа сказал, сегодня поговорит с ней. Потом отмечать поедем, на твое день рождение, он готовит сюрприз.

Андрей кому-то готовит сюрприз?

Останавливаюсь с футболкой в руках. Дверь прикрыта неплотно, в щели видно край стола и Алину, сидящую боком, ноги она закинула на стол. Она улыбается экрану телефона.

— Олеся, ну не переживай ты так. Я же говорю, я не против. А Мишка он мелкий, ему вообще все до фонаря. Папа планшет новый подарит и все, малой будет куплен.

Неприятное чувство возникает раньше, чем успеваю что-то понять.

Толкаю дверь.

Алина вздрагивает и прижимает телефон к груди, но я успеваю увидеть лицо на экране. Темное каре, яркие губы, не похожа ни на одну из ее подруг, потому что явно выглядит старше.

— Мам! Ты стучать не умеешь?

— С кем это ты разговариваешь?

— Моя новая знакомая. Недавно стали общаться.

— Поэтому ты с ней отца обсуждаешь? — я прищуриваюсь.

Алина молчит, опускает взгляд на свои колени, а меня словно током бьет.

— У папы другая женщина? — спрашиваю почти шепотом.

Мне хочется сесть, но стул занят дочерью. Стою посреди ее комнаты с мокрой футболкой и никак не могу понять, почему она не удивляется. Почему не спрашивает, откуда я взяла такую глупость.

— Он сам тебе расскажет, — отвечает Алина. — Я в ваши разборки лезть не хочу.

— Давно? — спрашиваю с нажимом.

Алина отворачивается к окну.

— С конца лета.

Три месяца значит.

Смотрю на Алину и не верю ни свои глазам, ни ушам. У меня рушится вся привычная картина мира. Мой дом, мой быт, муж, дочь….

— И ты молчала?

Дочь поворачивается, на лице уже раздражение, будто я сама во всем виновата.

— Да! Папа просто хочет быть счастливым, а с тобой это больше невозможно.

Глава 2

Вика

Несколько секунд я жду, что Алина добавит еще что-нибудь. Скажет, что неправильно выразилась, что отец попросил молчать, что ей самой было страшно и неприятно от этой новости.

Я готова поверить любому объяснению, только бы не видеть этого выражение пренебрежения на лице дочери.

— А со мной он значит несчастлив? — спрашиваю потупившись. — Это папа тебе сказал?

— Ничего он не говорил. Я сама все вижу. Я уже взрослая и умею анализировать людей и ситуации. Ты стала скучной, мам. Стала клушей.

— Алина, замочи, — прошу сипло.

У меня в ушах звенит от слов дочери и круги перед глазами рисуются. Давление видимо скакнуло.

— Сама спросила. Папа тебя жалеет, а я давно говорила ему, что надо правду сказать. Ведь всем легче от правды. Ты сама меня так училась, — Алина приподнимает подбородок и сжимает губы совсем как Андрей.

Даже интонацией его говорит, подражает.

Я часто умилялась, замечая, как дети на него похожи. Сейчас от этого сходства почему-то тошнит.

— А с ней значит не скучно, ни тебе, ни отцу?

— Она хотя бы спокойно разговаривает! Ты вот за сердце хватаешься и ревешь уже. Мам, возьми себя в руки. Противно смотреть, как ты взрослая женщина сопли разводишь.

Алина кидает в меня салфеткой и морщится, когда я прижимаю ее к потекшему носу. Не найдя, что ответить, наверное, потому что нахожусь в шоковом состоянии, я выхожу и аккуратно прикрываю дверь, хотя хочется хлопнуть так, чтобы дочь вздрогнула. Чтобы хотя бы на секунду почувствовала то, что сейчас чувствую я.

На кухне опускаюсь на стул и несколько секунд смотрю в пустоту, пока Миша не просит проверить упражнение, а я смотрю на строчки и не понимаю смысла. Буквы расплываются. Приходится несколько раз моргнуть и поднести тетрадь поближе к лицу.

— Мам, ты заболела? — взволнованно спрашивает Мишка, гладя меня по руке.

— Голова болит.

— Так сильно, что ты плачешь?

—Да, так бывает милый, мигрень называется.

Сын сразу начинает говорить тише. Забирает тетрадь и обещает сам собрать портфель. Я глажу его по волосам и слабо улыбаюсь.

Когда поворачивается ключ во входной двери, встаю слишком быстро и задеваю коленом стол. Боль помогает собраться.

Андрей входит, здоровается с сыном, кидает на меня внимательный взгляд, пока снимает куртку. На секунду мне хочется просто обнять его. Прижаться к знакомому плечу и услышать, что все что сказала наша дочь неправда, что просто это ее выдумки и подростковый максимализм. Ну решила так привлечь внимание с кем не бывает…

Только муж не обнимает меня, не целует привычно, а лишь смотрит холодным незнакомым взглядом, от которого я покрываюсь мурашками.

— Нам надо с мамой поговорить, Миш, иди к себе в комнату — говорит он.

Сын убегает к себе, а мы идем на кухню.

— Я так понимаю ты в курсе ситуации, Вик, — начинает Андрей, плотно закрывая за собой дверь.

Мне даже смотреть на него больно. В душе все переворачивается, а язык, кажется, присох к небу.

— У тебя есть другая? Это правда? — только и получается сказать, выходит сипло и как-то жалко.

Андрей морщится.

— Да.

— Ты ее любишь?

Андрей трет переносицу.

— Вик, не надо сейчас об этом…

— Мне надо знать.

— Мне с ней хорошо.

Прижимаю пальцы к груди, ногти впиваются в кожу под ключицей, но это совсем не помогает унять сердечную боль.

— А со мной?

— С тобой удобно, Вик. Ты удобная жена. Привычка. И страсти больше нет и бросить жалко, столько лет уже вместе.

— Я не понимаю, Андрей. Правда не понимаю. Мы не ссорились. Ты приходил домой, обнимал меня. Мы строили планы, — Я стою столбом и смотрю на мужа.

Просто не знаю куда себя деть, чем занять. Внутри тела такая пустота звенящая, что аж болит все.

— Какие планы, Вик? Ипотеку закрыть? Стиральную машину поменять? Это разве планы? Это бы-то-ву-ха. Она у меня уже вот где, — муж показывает на ребре ладони на горло, его лицо искажается. Андрей наконец скидывает маску добропорядочного семьянина.

— И что же ты хочешь?

— Я хочу, чтоб меня с ног до головы облизывали и встречали в шелковом халате на голое тело. Чтоб каждый секс, как фейерверк был, а не обязательная повинность под одеялом. Чтоб женщина меня удивляла, чтобы с ней было интересно поговорить, а не обсуждать одни успехи детей, да траты по кредиту.

Щеки начинают гореть.

Вот как значит он думает, вот чего хочет. Мне казалось, мы вместе хотим жизнь нашу спокойную жизнь, поставить на ноги детей. Думала, что если заплатим за квартиру, сможем чаще отдыхать, меньше экономить. Я не знала, что наши общие планы ему смешны. И что ему подавай фейерверки. Я так-то тоже не каждый раз с ним небо в алмазах вижу, но как-то молчу об этом. Устраивает меня все. Устраивало. Теперь категорически не устраивает.

Следующий вопрос жжет язык:

— Куда ты дел наши деньги?

Андрей сразу отводит взгляд, поджимает губы.

— Помог Олеське с квартирой, на первый взнос не хватало.

Вот так просто… И ему не стыдно об этом говорить?

Сажусь напротив на стул, ноги плохо держат. Вспоминаю, как мы обсуждали экономию, а он уже знал, на что потратит накопления. Я отказывалась от обучения, потому что сейчас не время. Не купила себе новые сапоги на зиму. Уговаривала Мишу походить еще в старой куртке.

— Ты что…сдурел? — у меня просто нет приличных слов. — Совсем с ума сошел, Сколов?

— Не шуми давай, дети услышат, — шикает он на меня.

Я задыхаюсь от возмущения и вновь вскакиваю на ноги.

— Алина и так уже в курсе, что ты спишь с другой! Уже подружится с твоей любовницей успела!

— Да, это мой косяк. Признаю. Подробности ей все равно знать не обязательно. Я ничего менять не собираюсь. Разводится не будем. У нас семья, общий бизнес.

Он говорит с такой уверенностью и спокойствием, что я несколько секунд просто смотрю на него. Я не умею так разговаривать, не понимаю, как он может сидеть спокойно, пока у меня внутри все разрывается.

— Это ты классно придумал, Андрей. А я что должна делать? Терпеть твои похождения? Борщи тебе готовить? И ждать, когда ты придешь напичканный фейерверками домой?

Он отвечает не сразу. Смотрит на меня, словно прикидывает, как объяснить попроще, ведь жена у него та еще идиотка.

— Живи как жила, Вик. Занимайся детьми. Я буду приезжать, деньги давать. Ничего у тебя не отнимаю.

Не узнаю человека напротив. Он действительно считает, что, пока у меня есть продукты в холодильнике, все остальное можно пережить?

— Ты семью у меня отнял. Мое достоинство растоптал. Унизил. Я видеть тебя не могу, Андрей.

— Я сегодня поеду к Олесе, там переночую. Завтра поговорим, — буднично произносит муж.

Мне хочется выцарапать ему глаза, накинутся с кулаками и громко взвыть. А потом выпустив пар, свернутся в клубок, прямо на холодном кухонном полу и плакать. Но я держу лицо, слезы, конечно льются, я их не контролирую, но в остальном я поразительно спокойна.

— Возьми побольше вещей, — говорю мужу, когда он встает и идет к двери. — Я тебя на порог больше не пущу.

— Это мой дом, Вик. Все здесь мое, — я слышу насмешку в голосе Андрея. — Поэтому менять мы ничего не будем. Не могу же я позволить своим детям и жене жить в бараках на улице. Ты переспи с этой мыслью, Вик.

Он уходит с кухни и идет в нашу спальню, а я продолжаю сидеть на кухне глядя в одну точку. Слышу, как Мишка просит его посмотреть на его рисунок, как Алина что-то шепчет, как сливается вода в туалет, когда Андрей заходит туда перед тем, как уйти, негромко закрыв за собой дверь.

Из транса меня выводит голос сына, который просит уложить его спать. Я по традиции целую его в лоб, накрываю одеялом. В комнате у Алины горит лампа, но дочь демонстративно закрывает перед моим носом дверь, я выключаю свет в коридоре, и только потом иду в спальню.

Сажусь на край кровати и, закрыв лицо ладонями, чтобы дети не услышали, беззвучно кричу.

Я была уверена в муже, в детях, в завтрашнем дне. Я была уверена, что у нас все хорошо. А по итогу вся моя жизнь оказалось иллюзией и сказкой, в которые я верила.

Глава 3

Вика

Просыпаюсь от будильника, тянусь к другой половине кровати и натыкаюсь на пустую подушку.

Андрея нет.

Первые несколько секунд даже думаю, что муж уже встал и собирается на работу, а потом все произошедшее за вчерашний вечер обрушивается на меня. Вчера муж ушел ночевать к другой женщине и даже не постыдился в этом признаться.

Зажмуриваюсь и натягиваю одеяло на голову.

Господи, как же больно. Неужели ему совсем меня не жалко? Двадцать лет вместе прожили, двоих детей родили. Неужели все это ничего не значит?

Сажусь на кровати и вытираю мокрые щеки.

Вчера даже не спросила, как он собирается возвращать почти восемьсот тысяч. Просто слушала, как муж рассказывает о том, чего ему не хватало в нашем браке.

А мне всего хватало, что ли? Думает, я не мечтала хоть иногда проснуться и не бежать готовить завтрак? Или вечером прийти домой, где меня встретят ужином, а не горой грязной посуды?

Только любовника почему-то не завела. Даже мысли такой не возникало.

Встаю и иду в ванную.

В зеркале отражается женщина с опухшими глазами и бледным лицом. Волосы растрепались, под глазами темные круги. Вчера Алина назвала меня клушей. Может, я и правда себя запустила? Последний раз у парикмахера была три месяца назад, а маникюр вообще сама делаю.

Смотрю на свое отражение и снова начинаю плакать.

Мне сорок один год. Я не старая, не страшная. У меня хорошая фигура, хотя после рождения Миши живот уже не такой плоский, как раньше и грудь потеряла форму. Но разве за это перестают любить?

— Мам! Ты скоро? — раздается из-за двери.

Вздрагиваю и торопливо умываюсь.

— Сейчас, Мишенька!

Когда выхожу, сын уже сидит за столом на кухне, болтая ногами.

— Мам, а папа где ночевал?

Достаю из холодильника яйца, стараясь не смотреть на Мишу.

— У знакомых.

— Почему?

— Так получилось, солнышко.

— А сегодня он придет?

— Не знаю. Спрошу у него позже.

Миша хмурится, вздыхает, потом неожиданно спрашивает:

— Вы с папой поссорились?

Замираю с яйцом в руке.

— Немного.

— Из-за денег?

— Почему ты так решил?

— Я слышал, как ты вчера говорила, что деньги пропали. Папа их потерял?

Если бы потерял, было бы не так обидно.

— Нет, Миш. Все нормально. Это наши взрослые дела.

— А папа теперь не будет с нами жить?

Смотрю на сына и понимаю, что не знаю, как ему ответить.

Вчера Андрей заявил, что ничего менять не собирается. Будет приезжать, деньги давать, а я должна заниматься детьми и не мешать ему наслаждаться жизнью.

Замечательно придумал! Просто красавчик!

— Пока не знаю, зайчик. Мы еще не решили.

— А я хочу, чтобы дома жил, — насупившись, говорит Миша.

Подхожу и обнимаю сына.

Алина появляется на кухне в новых джинсах и кофте, которую я вижу впервые. Волосы красиво уложены, на губах блеск.

— Мам, мне деньги нужны, — сообщает Алина вместо приветствия.

— На что?

— После школы мы с девочками в кафе собираемся.

— Попроси у папы.

Дочь удивленно приподнимает брови.

— В смысле?

— В прямом, Алин. У меня сейчас нет лишних денег.

— Ну конечно! — она закатывает глаза. — Теперь ты будешь из-за папы на мне отыгрываться!

Чувствую, как внутри начинает закипать злость.

— Алина, я на тебе не отыгрываюсь. Твой отец снял с нашего накопительного счета почти восемьсот тысяч. Ты об этом знаешь?

Дочь пожимает плечами.

— Ну и что? Он же сам их заработал.

Несколько секунд просто смотрю на нее.

— А я, значит, ничего не делаю?

— Мам, ну ты же дома сидишь и отдыхаешь!

Вот как, значит. Дома сижу. Девять лет стираю, готовлю, убираю, занимаюсь детьми, а оказывается, просто бездельничаю. И это говорит моя собственная дочь.

— Алина, кто тебе сказал, что это только папины деньги?

— Никто! Я сама понимаю. Папа работает, а ты нет.

Мне даже смешно становится. Интересно, она в курсе, что фирма вообще-то досталась мне от моего отца? И что Андрей сам когда-то работал у моего папы наемным сотрудником? Что мы вместе, когда-то построили этот бизнес, и только потом я ушла в декрет.

— Твой папа работает в компании, которую основал дедушка. И часть этой компании принадлежит мне.

Алина недоверчиво смотрит.

— Ну да, конечно. Ты же ничего там не делаешь.

— Потому что твой отец занимается управлением. Мы с ним так договорились.

— Мам, ну хватит уже! — раздраженно восклицает дочь. — Папа же сказал, что будет помогать. Зачем ты все усложняешь?

— Помогать кому? Собственным детям?

— Да какая разница!

— Большая, Алина. Очень большая.

Дочь хватает со стола телефон.

— С Олесей хотя бы нормально поговорить можно. Она не придирается к каждому слову!

Снова эта Олеся. У меня в ушах начинает звенеть.

— Значит, ты собираешься и дальше с ней общаться?

— А почему нет? Она мне ничего плохого не сделала!

— А мне?

Алина недовольно морщится.

— Господи, мам. Ну она же не специально в папу влюбилась! Так бывает!

— Бывает, — киваю. — Только нормальные люди сначала заканчивают одни отношения, а потом начинают другие. А не заводят любовницу за спиной у жены.

— Опять ты все перекручиваешь!

— Что именно я перекручиваю, Алина? Твой отец три месяца мне изменял, а ты знала и молчала!

— Потому что он попросил!

— И ты согласилась!

— Да! Потому что я хочу, чтобы папа был счастлив!

Мне становится трудно дышать.

— А я, Алина? Я тоже хочу быть счастливой.

Дочь смотрит на мои слезы и морщится.

— Ну вот опять! Мам, ты взрослая женщина, а ведешь себя как маленькая. Папа тебя больше не любит. Смирись уже!

Закрываю глаза.

Мне хочется накричать на нее, сказать, сколько всего я сделала ради нашей семьи. Сколько ночей не спала, когда она болела, сколько раз отказывала себе в покупках, чтобы дети ни в чем не нуждались.

Но разве это можно объяснить пятнадцатилетней девочке, которая считает, что мама просто сидит дома?

— Алина, иди в школу, — прошу сипло.

— Да я и так собиралась!

Она хватает рюкзак, но возле двери останавливается.

— И вообще, папа сказал, что ты сама все портишь! Он не собирается нас бросать, а ты хочешь разводиться!

— Я не собираюсь жить с мужчиной, который мне изменяет.

— Значит, сама виновата, что мы разводимся!

— Кто разводится? — раздается за моей спиной.

Оборачиваюсь.

Миша стоит в дверях с рюкзаком на одном плече. Смотрит сначала на меня, потом на сестру.

— Мам, вы с папой разводитесь?

Я открываю рот, но Алина меня опережает:

— Да, Миш. Папа больше маму не любит. Поэтому они разводятся.

— Алина! — кричу так громко, что дочь вздрагивает.

— Что?! Он все равно узнает!

— Выйди сейчас же!

— Да пожалуйста!

Она хватает куртку и вылетает из квартиры, громко хлопнув дверью, а я смотрю на сына.

Миша стоит посреди кухни и не двигается. Глаза у него огромные, губы дрожат.

— Мам, это правда?

Подхожу к нему, присаживаюсь на корточки.

— Солнышко, послушай меня...

— Папа нас больше не любит?

— Нет! Конечно, любит! Вас с Алиной папа очень любит.

— А тебя?

Не знаю, что ответить.

Я ведь до вчерашнего вечера была уверена, что Андрей меня любит. А оказывается, он давно живет со мной из жалости.

— Миш, иногда взрослые перестают понимать друг друга.

— А если я с папой поговорю? — сын смотрит на меня с надеждой. — Попрошу, чтобы он тебя опять полюбил?

И тут меня окончательно прорывает.

Обнимаю сына, прижимаю к себе. Слезы текут по щекам, а я ничего не могу с ними поделать.

— Не надо, зайчик. Мы сами разберемся.

— Но я хочу, чтобы папа домой вернулся!

— Я знаю, милый.

— А ты его простишь?

Вчера я бы, наверное, простила. Если бы Андрей пришел, обнял меня и сказал, что совершил ошибку.

Но он ведь даже не считает себя виноватым.

— Не знаю, Мишенька.

Сын обнимает меня за шею.

— Мам, не плачь. Я тебя всегда буду любить.

Господи, какой же он у меня хороший.

И как несправедливо, что девятилетнему ребенку приходится утешать собственную мать.

После того как отвожу Мишу в школу, возвращаюсь домой и впервые за много лет не знаю, чем себя занять.

Грязная посуда стоит в раковине, на сушилке висит белье, в холодильнике лежит вчерашняя курица, которую я собиралась испечь для Андрея.

Все как обычно.

Только ничего уже в моей жизни не обычно.

Беру телефон, открываю нашу переписку с мужем. Последнее сообщение от него вчера утром. Просил приготовить белую рубашку.

Листаю выше.

«Купи маме таблетки».

«Забери костюм из химчистки».

«Что на ужин?»

И почти ни одного сообщения, где он интересуется мной.

Когда мы перестали разговаривать о чем-то, кроме бытовых дел? Почему я этого не замечала?

Потому что считала, что так и должно быть. Семья ведь не только поцелуи и свидания. Это еще дети, работа, ипотека.

Андрей, оказывается, другого мнения.

Захожу в галерею, открываю фотографии с прошлогоднего отпуска. На одной мы сидим на берегу моря, муж обнимает меня за плечи. Я улыбаюсь, уткнувшись носом ему в шею.

Помню тот вечер. Мы пили вино на балконе номера, обсуждали, как закроем ипотеку. Я рассказывала, что хочу вернуться к дизайну, а Андрей обещал помочь.

Он тогда сказал, что у нас все впереди.

Получается, врал?

Или уже тогда разлюбил, но терпел из жалости?

Закрываю галерею и откладываю телефон.

Нет, не могу сейчас в этом копаться. Иначе совсем с ума сойду.

Смотрю на часы, у Миши сегодня плавание, нужно забрать его после уроков, покормить и отвезти на занятия. Достаю с сушилки полотенце, складываю плавки, шапочку и очки.

Возле школы, как обычно, толпятся родители. Кто-то обсуждает домашние задания, кто-то разговаривает по телефону. Я машинально здороваюсь со знакомой мамой из нашего класса и жду, когда сын спустится. Но время идет, а его все нет. Вот уже дети совсем перестали выходить из школы, и из родителей я осталась одна.

Набираю учительницу.

— Елена Николаевна, здравствуйте. А Миша где? Вы его задержали?

— Виктория Сергеевна, добрый день. Разве папа вам не сказал?

У меня внутри что-то неприятно сжимается.

— Что не сказал?

— Михаил после третьего урока пожаловался на боли в животе. Мы отправили его к медсестре, она осмотрела и сказала, что лучше забрать ребенка домой.

— И почему мне никто не позвонил?

— Так Михаил сам папе позвонил. Сказал, что тот сейчас приедет.

Слушаю учительницу, тревожным взглядом оглядывая территорию школы.

— Подождите. Андрей его забрал?

— Я сама не видела. Миша сказал, что отец уже подъехал. Мы попросили его подождать в раздевалке, пока взрослые уточнят, но когда пошли за ним, его там уже не было. Я думала, он вышел к папе.

Чувствую, как холодеют руки.

— Вы отпустили больного ребенка одного?!

— Виктория Сергеевна, он не должен был выходить. Мы сейчас как раз собирались вам звонить.

Не слушаю дальше. Выключаю вызов и набираю Андрея.

Идут длинные гудки.

Не отвечает.

Пробую еще раз.

Сбрасывает.

Господи, да что же это такое!

Набираю в третий раз.

Наконец слышу раздраженный голос:

— Вика, я занят! Сколько можно названивать?

— Андрей, Миша у тебя?!

— Что?

— Ты забрал его из школы?

Муж недовольно выдыхает.

— Вик, ты издеваешься? Я на работе. Какая школа?

Сердце начинает колотиться так сильно, что закладывает уши.

— Андрей, у Миши заболел живот! Он звонил тебе, чтобы ты его забрал!

— Мне никто не звонил!

— Как не звонил?! Он сказал учительнице, что ты за ним приехал!

На другом конце повисает тишина.

— Вика, — голос мужа становится напряженным. — Я сегодня вообще с ним не разговаривал и уж тем более не видел Мишу.

Внутри все переворачивается, аж сердце замирает.

— Тогда, где он? — спрашиваю скорее у себя, чем у него.

— Откуда я знаю?! Ты мать, ты должна была его забрать!

Телефон едва не выскальзывает из руки.

— Андрей, нашего сына нет в школе! — кричу, уже не обращая внимания на окружающих. — Его никто не забирал, а сам он куда-то ушел!

— Что

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.